

ПРОБЛЕМА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ф. БРЕНТАНО

Д.Г. МИРОНОВ

Едва ли будет неверным утверждение, что проблема интенциональности является ключевой и в философии Ф. Brentano и шире — в рамках его школы. Задача нашей статьи — проследить за тем, как истолковывается понятие «интенционального отношения» в разные периоды творчества Brentano. При этом мы постараемся выявить те возможные следствия, которые это понятие предполагает и которые были подробно исследованы наиболее известными учениками Brentano. Следует с самого начала отметить, что анализ эволюции понятия «интенциональное отношение» в контексте Brentановской школы обязывает нас предпочесть одни интерпретации проблемы другим. В рамках нашей работы решающее значение мы будем придавать не тем исследованиям, которые доказывают последовательный «аристотелевско-схоластический» подход Brentano к проблеме интенциональности (и тем самым оспаривают утверждение О. Крауса о том, что было «несколько» Brentano и что более «поздний» отрекся от более «раннего»), а тем, в которых понятие интенциональности вводится в (достаточно широкий) контекст полемики между Учителем и его учениками.

Экспозиция проблемы:

тезис Brentano и различия в его интерпретациях

Интенциональность — ключевая проблема философии Brentano. Наше утверждение подкрепляется тем фактом, что Brentанопсихолог (по сути, наиболее нам известный) основывал философское исследование на исследовании психологическом. Сама идея «интенционального отношения» появляется в рамках более широкого «методологического» исследования, устанавливающего предметную область психологии и отличающего эту область от предметных областей других наук. В главе первой книги второй «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874) Brentano пытается прояснить, в чем заключается отличие психических феноменов (интересующих психологию) от физических феноменов (интересующих, например, физику). Утверждается, что «весь мир наших явлений делится на два больших класса — класс физических и класс психических феноменов»¹.

Отметим, что это свое утверждение Brentano никак не обосновывает; очевидно, оно представляется ему самоочевидным и не требующим разъяснения. Он выделяет несколько специфических для каждого класса признаков — таких, которые были бы присущи всем элементам одного класса и никак не характеризовали бы элементы

другого класса. Не всем из этих признаков Brentano придает одинаковое значение. В сумме он предлагает восемь признаков «психических феноменов»². Первый: все психические феномены суть акты. Второй: все психические феномены либо суть представления, либо имеют своим основанием представление. Третий: все психические феномены схватываются только внутренним восприятием. Четвертый: все психические феномены очевидны и безошибочны. Пятый: все психические феномены «приватны». Шестой: всем психическим феноменам присуще, наряду с «интенциональным», также действительное существование. Седьмой: все психические феномены являются как единства. Восьмой признак мы выделим специально: положение, в котором он вводится, получило название «брентановского тезиса»; это знаменитое место из «Психологии с эмпирической точки зрения» послужит началом для собственного обсуждения «проблемы интенциональности».

Итак: «*Всякий психический феномен характеризуется тем, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета, и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви — любитесь, в ненависти — ненавидитесь и т.д. ... Тем самым мы можем дать дефиницию психическим феноменам, сказав, что это такие феномены, которые интенционально содержат в себе какой-либо предмет*»³.

Приведенный фрагмент не столь ясен, как может показаться. Замысел понятен: утверждается, что для любого психического акта (= психический феномен)⁴ можно отыскать соответствующий объект, на который акт будет направлен. Если мы читаем сборник мифов и легенд Древней Греции, то вполне можно предположить, что объектом нашего акта фантазирования (сопровождающего чтение) будет, скажем, кентавр или крылатый конь. Для здравого смысла подобного рода предположения не оказываются невозможными. Действительные трудности у нас возникнут тогда, когда мы попытаемся выяснить, чем же именно является «предмет, имманентный акту». Уже в самых ранних своих работах (диссертационное (1862) и габилитационное (1867) исследования) Brentano скорее соглашался с идеей о том, что каждый психический акт имеет свой объект. Такие объекты он, однако, не считал проблемными, или опасными, для нашего «здравого смысла». Если мы говорим о психическом акте, нам также следует говорить о его объекте. Следуя за схоластами⁵, Brentano утверждает, что этот объект существует «объективно» в уме субъекта и такое «объ-

ективное» существование не является проблемным для онтологии нашего мира. *Ens obiectivum*, неизбежно возникающее в нашем анализе психического акта, оказывается всего лишь *façon de parler* и не имеет следствий, нежелательных для нашей онтологии.

Такое «онтологически нейтральное» истолкование термина «объект» вполне могло соответствовать намерениям автора «Психологии с эмпирической точки зрения». Ряд достаточно интересных работ⁶, на наш взгляд, весьма убедительно это показывает. В связи с этим сделаем одно отступление и рассмотрим показательную статью М. Антонелли «Франц Brentano и новое открытие интенциональности». Антонелли возражает против давно утвердившегося мнения, что поворот Brentano к «реизму» означал болезненный отказ от былых иллюзий и был радикальным разрывом со старым. Для того, кто хорошо помнит о «схоластическом» прошлом Brentano, отнюдь не удивительным будет известное место из письма к А. Марти от 17 марта 1905 г.: «То, что Вы сообщаете относительно слов Хёфлера о “содержании” и “имманентном объекте” представления, мне кажется чрезвычайно странным... Я не считал, будто имманентный объект = “представленному объекту”. Представление имеет объектом не “представленную вещь”, но “вещь”; так, например, представление лошади [имеет объектом] (имманентным, т.е. только и называемым собственно объектом) не “представленную лошадь”, но “лошадь”... Взятая в качестве объекта “мыслимая лошадь” могла бы быть предметом внутреннего восприятия, свойственного только мыслящему существу, но мыслящий и помысленное должны образовывать коррелятивную пару, ибо друг без друга корреляты не существуют. Но то, что ощущается как первичный объект или универсально мыслится разумом в качестве первичного объекта, все же не является предметом внутреннего восприятия. Либо я не должен приписывать первичному отношению представления вообще никакого объекта и никакого содержания, либо я не могу приравнять его к “мыслимому объекту”. Я протестую, таким образом, против приписываемых мне глупостей»⁷.

Проблема не только Хёфлера, но и многих других комментаторов Brentano, заключается в том, что, как полагает Антонелли, они не понимают значения выражения «объект, который только мыслится» (*Gedankending* = *ens rationis* = нечто нереальное, и, как выясняется, интенциональный коррелят). Лошадь, которая только мыслится, есть предмет внутреннего восприятия, воспринимающего акт мышления (о) лошади. Первичный предмет, или обычный, всем нам знакомый, реальный объект, интендируемый сознанием, внутренним восприятием как таковой не воспринимается. Лошадь как физический объект воспринимается только внешним восприятием. Поэтому Brentano утверждает в письме, что лошадь не есть мыслимая лошадь. Эта

«мыслимая лошадь» дана во внутреннем восприятии, именно когда мы воспринимаем само внешнее восприятие лошади.

«Мыслимая лошадь», согласно Антонелли, есть интенциональный коррелят; и интенциональный коррелят отличается от интенционального объекта. Интенциональные корреляты даны во внутреннем восприятии, которое сопровождает каждое восприятие как таковое; отсюда и следует, что интенциональные корреляты являются частями сознания в строгом смысле слова. В свою очередь, интенциональные объекты – собственно объекты, существующие в природе; они не могут быть частями сознания. Если вещь, которую мы могли бы (реально) воспринимать, не существует, то очевидно, что у восприятия не появится какой-либо «интенциональный объект».

Согласно Антонелли, мы можем говорить об эволюции брентановской философии, о переходе к «реизму», но это будет означать лишь то, что Brentano несколько иначе стал оценивать роль интенциональных коррелятов. В своей новой, «реистской» установке такие сущности, как «мыслимая лошадь», он будет истолковывать в качестве «языковых коррелятов», синсемантических терминов; в теорию интенционального отношения будет введено различие «прямо/косвенно» и появятся новые модусы соотнесения (об этом – в части 3). Существенная ошибка многих комментаторов, полагает Антонелли, состоит в том, что имманентные объекты, существующие в уме «объективно» и не порождающие в брентановской онтологии каких-либо проблем, они спутали с интенциональными коррелятами, которые ирреальны и не являются собственными целями актов. А устранение таких коррелятов вовсе не означает фундаментальных сдвигов в теории интенциональных отношений.

Интерпретация, предложенная Антонелли (а также, например, Мюнхом и Зауэром), весьма последовательна и довольно основательна. Однако, как представляется, она не безупречна. Ее уязвимость заключается в том сильном акценте, какой сделан на схоластическом образовании Brentano и его увлеченности Аристотелем. Как показывает А. Хруджимски, можно привести несколько текстологических возражений против нее. Во-первых, против интерпретации Антонелли говорит то, что в лекциях по дескриптивной психологии (1890/1891) Brentano нигде не упоминает об имманентном объекте, и вполне можно предположить, что «коррелят» есть всего лишь уточнение понятия «имманентный объект» и вводится «наряду» с имманентным объектом. Во-вторых, в лекциях по логике (конец 80-х гг., фрагмент EL 80) «имманентный объект» понимается как сущность, которая опосредует доступ к (возможному) внешнему (или, лучше сказать, «трансцендентному») объекту, а «коррелят» нигде в тексте не встречается. Это говорит в пользу того, что Brentano употреблял выражения «интенциональный коррелят» и «имманентный объект» (в конце

80-х гг.) как синонимы. Такая гипотеза прекрасно подкрепляется следующей цитатой из лекций по логике (фрагмент EL 72): «Обратимся теперь к анализу элементов нашего внутреннего представления восприятия, насколько мы его, конечно, сможем осуществить. Объектом [представления восприятия] будет наша самость в ее действительных многообразных психических отношениях с интенциональными коррелятами (имманентными предметами). Раньше мы уже видели, что психическое нам дается таким [образом], и что, в противоположность физическому, оно этим характеризуется»⁸.

Следует отметить, что записи лекций по логике и психологии были в распоряжении всех учеников Brentano, и, как представляется, содержащийся в них материал существенно влиял на развитие идеи интенциональности в рамках Brentanовской школы. Учитывая это обстоятельство, а также то, что рассмотрение теории «интенциональных отношений» будет неполным, если мы не примем во внимание те изменения, которые вносили в эту теорию ученики Brentano, нам представляется важным сосредоточиться на текстах этого лекционного курса и отдать предпочтение тем интерпретациям, в которых акцент делается не на «аристотелевско-схоластическом», а на «школьном» аспекте учения Brentano. Поэтому допустим, что уже в «Психологии с эмпирической точки зрения», чтобы объяснить феномен интенциональности, вводятся особые теоретические сущности, «имманентные объекты». Некоторая краткость, даже «герметичность», приведенного выше фрагмента из «Психологии с эмпирической точки зрения», безусловно, мешает нам до конца понять, чем же именно эти объекты являются. Ясно только следующее: во-первых, в рамках своей теории Brentano различает психический акт и его объект, во-вторых, объект интенционального отношения он рассматривает как особую сущность, которую нельзя путать с тем, что «нефилософски» мы привыкли считать объектом. Первый аспект теории понятен. Второй требует некоторого раскрытия: что отличает «имманентный объект» от «трансцендентного объекта»? Почему некоторые объекты *inexistieren*?

Проблема интенциональности:

лекции Brentano конца 80-х — начала 90-х гг. XIX в.

Для ответов обратимся к лекциям по дескриптивной психологии (Brentano читал эти лекции в конце 80-х, начале 90-х гг.; полностью они были опубликованы только в 1982 г.). Он пишет: «1. Итак, прежде всего для нашего сознания характерна та особенность, что оно всегда и повсюду... указывает на определенное отношение, которое соотносит субъект с объектом. Его называют также “интенциональным отношением”. Каждому сознанию сущностно принадлежит это отношение. 2. Как и для всякого отношения, здесь также обнаружи-

ваются два коррелята. Один коррелят есть акт сознания, другой есть то, на что оно направлено. Видение и увиденное, представление и представленное, желание и желаемое, любовь и любимое, отрицание и отрицаемое и т.д. Для этих коррелятов оказывается... что только один из них реален, а другой, напротив, не есть реальное... Мыслимый человек, поэтому, не имеет собственной причины и не может собственно оказывать воздействие, но лишь поскольку был вызван акт сознания, мышление человека, постольку мыслимый человек, его нереальный коррелят, тоже тут. Корреляты нельзя друг от друга отделить, если только они [не] дистинктивны»⁹. Приведенная цитата позволяет нам следующим образом охарактеризовать интенциональное отношение. Во-первых, интенциональное отношение есть своего рода двуместное отношение, предполагающее наличие обоих соотносимых членов. Во-вторых, первый член отношения есть некоторый акт сознания (или, лучше, субъект, этот акт совершающий), второй член — это «цель» интенционального отношения (Брентано приводит примеры таких «целей»: для акта видения это увиденное, для акта желания это желаемое и т.д.). В-третьих, если мы попытаемся определить характер второго члена, то мы обнаружим, что он не является чем-то реальным постольку, поскольку он не может терпеть и оказывать действие. В-четвертых, этот второй коррелят реально неотделим от соответствующего акта сознания, он может быть выделен только «дистинктивно»: лишь в нашем мышлении мы оказываемся способными отделить один коррелят от другого. Мы можем, таким образом, утверждать, что введенный в «Психологии с эмпирической точки зрения» имманентный объект характеризуется как имманентный (некоторому акту), потому что он составляет реально неотделимый коррелят акта сознания.

Важно отметить, что Брентано наделяет имманентный объект особым гносеологическим статусом. Такой объект «предносится» перед нами, он предстает перед нашим мысленным взором и исключает какую-либо возможность ошибки на его счет; этот объект для нас открыт и полностью доступен; он относится к сфере «приватно достижимого», привилегированного. Основанием для этой гносеологической «прозрачности» имманентного объекта служит брентановская теория внутреннего восприятия. Согласно этой теории, все психические феномены могут нами восприниматься с достоверностью. Дело в том, что каждый психический феномен может быть охарактеризован как «двулучевой». С одной стороны, он соотносится со своим первичным объектом, т.е. с тем, что обычно и считается предметом какого-либо акта (в представлении лошади это сама лошадь). С другой стороны, он всегда схватывает самое себя как вторичный объект. Если имманентный объект есть необходимый коррелят любых психических феноменов, то во внутреннем восприятии, которое

эти феномены сопровождает, он также должен (с достоверностью) схватываться. Поскольку внутреннее восприятие принципиально непогрешимо, постольку имманентный объект характеризуется как «прозрачный» для субъекта.

Итак, имманентные объекты в своем существовании зависят от соответствующих актов сознания, возникают вместе с ними и вместе с ними исчезают. Далее, для субъекта, который совершает акт, они приватны. Невозможно, чтобы два субъекта имели тождественные имманентные объекты. Такие объекты гносеологически прозрачны и, кажется, не содержат аспектов, которые субъекту были бы принципиально недоступны.

Мы можем допустить, что интенциональность понимается Brentano как соотносительность субъекта с имманентным объектом, и имманентный объект тождествен вообще любому объекту акта. Такая трактовка интенционального отношения представляется безусловно неудовлетворительной. В акте представления лошади мы представляем именно лошадь, животное из знакомого нам и от нас достаточно независимого мира. Следовательно, требуется найти более правдоподобную интерпретацию имманентного объекта. Поисками такой интерпретации были заняты многие ученики Brentano. Рассмотрим решения, предложенные К. Твардовским, А. Мейнгоном и Э. Гуссерлем; заранее отметим, что следы от интерпретационных ходов, сделанных этими учениками Brentano, мы можем обнаружить в лекционных записях самого Учителя.

Рассмотрим следующий отрывок из Brentановских лекций по логике¹⁰, прочитанных в конце 80-х гг. (фрагмент EL 80)¹¹: «Итак, еще раз: что обозначают имена? Имя обозначает: 1) в некотором роде содержание представления как таковое, имманентный предмет; 2) в некотором роде то, что через содержание представления представляется. Первое есть значение имени. Второе есть то, что имя именуется. О нем мы говорим, что ему присуще имя. Это то, что, когда оно существует, есть внешний предмет представления. Именуют посредством значения. Старые логики говорили поэтому о тройке суппозиции имен: 1) *suppositio materialis*: см. выше; 2) *suppositio simplex*: значение: человек есть вид, т.е. значение слова “человек” есть вид, т.е. содержание представления о человеке есть вид; 3) *suppositio realis*: именуемое: человек живой, ученый и т.д.». Следует отметить, что сходящую семантическую теорию мы обнаруживаем уже в лекции «Старая и новая логика» (1877)¹²: «Можно различать тройку: нечто, что имя извещает, что оно означает, и что оно именуется. Если кто-то произносит имя, то он извещает, что имеет определенное представление, но [само] имя означает содержание представления как таковое. И имя именуется то, что представляется через содержание представления; об этом мы говорим, что ему присуще имя; предмет именуется посредством значения; содер-

жание представления опосредует предмет. «Сократ» есть именуемое, даже если его нет. Значение находится в содержании представления и [представление] извещается тем, что я произношу имя».

Итак, в лекциях по логике мы обнаруживаем одно весьма важное уточнение: у представления есть не только имманентный, но и внешний, «трансцендентный» объект; с этим внешним объектом субъект соотносится посредством содержания, или объекта имманентного.

Различение двух объектов мы встречаем в книге А. Хёфлера и А. Мейнонга «Логика» (1890)¹³. Различается «в нас» существующее психическое содержание, или имманентный (интенциональный) объект, и «в себе» существующий предмет, на который направлен психический акт. Содержание также характеризуется как «в нас» существующий психический «образ» или как «квази-образ» внешнего, реального предмета акта.

Развитие это различение получает в известной работе К. Твардовского «К учению о содержании и предмете представлений» (1894). С помощью своеобразного лингвистического приема, столь характерного для философов аналитической традиции, Твардовский доказывает, что содержание психического акта не имеет ничего общего с тем, на что акт интенционально направлен. Содержание исполняет роль посредника между актом и его предметом; это содержание нельзя толковать как имманентный объект¹⁴.

Семантическое учение Brentano получает у Твардовского любопытное продолжение. Как и Brentano, он считает, что имя, во-первых, извещает психический акт представления, во-вторых, означает содержание этого акта, и, в-третьих, именуется предмет, который «посредством этого содержания» представляется¹⁵. Наиболее интересным кажется утверждение Твардовского о том, что имя, для которого мы не можем найти подходящий предмет, все же не беспредметно. Такое «пустое» имя все-таки нечто именуется, и это нечто полностью отличается от содержания акта представления, соответствующего имени. Твардовский полагает, что, строго говоря, нет беспредметных представлений¹⁶. В конце раздела, посвященного беспредметным представлениям, Твардовский даже заявляет, что «следует говорить о представлениях, предметы которых не существуют, а не о представлениях, которые являются беспредметными»¹⁷.

«Несуществующие предметы», очевидным образом проникшие в универсум Твардовского, вполне могли бы встретиться нам и где-то в универсуме Brentano. В лекциях по логике мы читаем: «Против того, что предметы обозначаются [именами], может быть сказано: 1. Часто предмета нет: следовательно, имена не будут ничего обозначать. Ответ: 1. Они вполне обозначают предметы, но не означают их, а именуют. Слово, следовательно, не без значения. 2. Нельзя путать то, [что они] ничего не обозначают (именуют), и то, [что они] обозна-

чают (именуют) нечто, которое не есть (как и [в случае] с желанием, надеждой)»¹⁸.

Дальнейшее подтверждение того, что Brentano вполне мог расширить свою онтологию и ввести в нее несуществующие предметы, мы находим в его докладе «О понятии истины» (1889). Перед тем, как мы приведем интересующее нас место из этого доклада, рассмотрим учение Brentano о суждениях. В «Классификации психических феноменов»¹⁹ он все психические феномены разделяет на представления, суждения и «душевные деятельности». Представление образует основание всей жизни сознания. Только в представлении мы обнаруживаем «примитивный», или «исходный» тип интенционального отношения к объекту. Все другие психические акты предполагают это отношение, и, следовательно, представление, в качестве условия своей возможности. Как суждение, так и «душевная деятельность» соотносятся с уже представленным объектом. Но их способ отношения к этому объекту иной, чем у представления. В суждении представленный объект либо признается, либо отрицается: объект представления судится либо как существующий, либо как несуществующий. «Душевная деятельность» также являет собой пример признающего или отрицающего способа отнесенности к предмету; только на этот раз положительное/отрицательное оценивание приобретает эмоциональную окраску. Предмет «душевной деятельности» либо любит, либо ненавидит.

В «Психологии с эмпирической точки зрения» Brentano критикует традиционные теории суждения. Он отказывается от учения о том, что различие представлений и суждений состоит в степени интенсивности феномена; согласно такому учению, суждение будет интенсивнее представления. Возражая, Brentano указывает на то обстоятельство, что легко можно обнаружить примеры слабоинтенсивных суждений и весьма интенсивных представлений; следовательно, разница в интенсивности еще не проясняет природу обоих феноменов. С другой стороны, Brentano критикует учение о том, что суждение всегда есть своего рода синтез представлений. Мы можем найти примеры как простых, так и сложных (синтетических) представлений. Представление «человек» можно усложнить в представление «спящий человек», а это представление — в представление «спящий человек, видящий сны». Следовательно, сложность (синтетичность) не составит достаточного условия, которое позволило бы нам определить понятие суждения. Не будет сложность и необходимым условием: имеются особые, простые по своей природе, суждения, которые выражаются «экзистенциальными» предложениями («А есть», «А не есть»). Такие «экзистенциальные» суждения нельзя понимать как сочетание (синтез) двух содержаний (их выражением были бы субъект предложения и его удивительный предикат «существовать»); экзистенциальное

суждение вернее всего понимать как признание или отрицание соответствующего предмета.

Итак, Brentano учит, что, во-первых, суждение являет собой новый вид интенционального отношения, которое нельзя свести к синтезу или интенсивности представлений, во-вторых, простейшее экзистенциальное суждение есть признание или отрицание объекта, данного в представлении, в-третьих, каждое суждение предполагает представление и модус суждения «пристраивается» к модусу представления, в-четвертых, суждение не имеет объектом то, что существенно отличалось бы от объекта представления.

Представив учение Brentano о суждениях, мы можем, наконец, перейти к тому месту в брентановском докладе «О понятии истины», которое, на наш взгляд, подкрепит утверждение о том, что в универсуме Brentano мы также могли бы встретить «несуществующие предметы». В докладе он пытается прояснить, почему истина есть *adaequatio rei et intellectus*. Истинные положительные суждения, не утверждающие существования странных объектов, достаточно просто связать с идеей *adaequatio*. Каждому такому суждению должна просто соответствовать некоторая вещь из реального мира. Но как нам интерпретировать истинные отрицательные суждения? «Если истина “не существует драконов” состоит в соответствии моего суждения и вещи, то какой должна быть тогда эта вещь? Ведь не дракон же это, которого нет»²⁰. Чтобы связать истинность некоторых отрицательных суждений с идеей *adaequatio*, нам, возможно, придется отыскивать корреляты таких суждений не только среди существующего, но и среди несуществующего. Brentano пишет: «Область, для которой годным является утвердительный способ рассуждения, мы назовем теперь областью существующего, понятие которого должно четко различаться от понятий вещественного, сущностного, реального; область же, для которой годным является отрицательный способ рассуждения, назовем областью несуществующего». И далее: «Итак, после этого мы, конечно, можем сказать подобно Аристотелю, что суждение истинно, если оно объединяет вместе то, что объединено, и далее: суждение истинно тогда, когда оно утверждает относительно того, что есть, что оно есть, и относительно того, что не есть, отрицает, что оно есть (а ложно, когда суждение находится в противоречии с тем, что есть и не есть)»²¹. Определение понятия истины, следовательно, следующее: суждение «А есть» истинно только тогда, когда имеется существующее А; суждение «А не есть» истинно только тогда, когда имеется несуществующее А.

Итак, около 1890 г. Brentano вполне приходит к тому, чтобы расширить онтологический универсум и включить в него не только существующие, но и несуществующие предметы. Как представляется, возможность такого хода вовсе не исключается теорией интенцио-

нального отношения, которую Brentano развивал в конце 80-х гг. В связи с этим не кажется неожиданным утверждение Твардовского о том, что несуществующие объекты могут быть предметами некоторых представлений. И не будет выглядеть экстравагантной «теория предметов» Мейнонга. Напомним, что в программной работе «О теории предметов» (1904) Мейнонг утверждает, что каждый психический акт имеет существующий или несуществующий предмет. Тем же, кто будет полагать, что далеко не все акты имеют соответствующие предметы, Мейнонг отвечает: вы предубеждены в пользу действительного; каждый психический акт имеет «внебытийный» предмет «по ту сторону бытия и небытия».

Линия, уводящая к теории предметов, вовсе не единственно возможная. Рассуждение Brentano об имманентных объектах как опосредующих структурах и рассуждение Твардовского о корреляции содержания — предмет получили свое развитие в работах Э. Гуссерля «Интенциональные предметы» (1894) и «Логические исследования» (1900 — 1901). Теория, в этих работах изложенная, не требует введения ни имманентных, ни несуществующих объектов; объяснительная роль возлагается на «психические содержания». Гуссерль пишет: «Я представляю бога Юпитера, это означает, я имею определенное переживаемое представление, в моем сознании осуществляется акт-представления-бога-Юпитера. Как бы ни разлагали это интенциональное переживание в дескриптивном анализе, чего-либо такого, как бог Юпитер, естественно, обнаружить в нем нельзя; “имманентный”, “ментальный” предмет не принадлежит, таким образом, дескриптивному (реальному) составу переживания, он, следовательно, совершенно не имманентный и не ментальный. Он, конечно, и не *extra mentem*, он вообще не существует... С другой стороны, если интендированный предмет существует, то в феноменологическом отношении ничего не меняется... Юпитера я представляю не иначе, чем Бисмарка»²². Из этого следует: «Каждый должен признать: интенциональный предмет представления есть тот же самый, как и его действительный и в данном случае его внешний предмет, и бессмысленно проводить различие между ними... То, что предмет “просто интенциональный”, не означает, естественно: он существует, однако только в *intentio* (т.е. как реальная составная часть интенции), или: в интенции существует какая-то тень от него; но это означает: существует интенция, “акт, имеющий в виду” некоторый предмет, обладающий такими-то и такими-то свойствами, но не предмет»²³. «Акт, имеющий в виду» предмет предполагает лишь то, что субъект совершает психический акт с определенным содержанием. Вместо объектов — целей акта — допускаются лишь опосредующие психические сущности.

К какой версии интенциональности — Мейнонга или Гуссерля — тяготела Brentановская теория интенционального отношения? От-

вет, вероятнее всего, предрешается тем обстоятельством, что своим непосредственным «идейным» противником Brentano видел скорее Мейнонга, чем Гуссерля. Тезис, который отстаивается в его поздних работах: единственное, на что может быть направлена интенциональность, — это вещи, или «реальное». «Естественно, утверждение о том, что наше мышление имеет предметом лишь реальное, приводит к тому, что [нам приходится] допускать гораздо большее многообразие психических отношений, чем мы это когда-то делали»²⁴. Различия в типах предметностей должны быть сведены к различиям в способе сознания — таков итог позднего учения Brentano.

Проблема интенциональности: поздняя философия Brentano

В своей поздней философии (1904 — 1917) Brentano придерживался той позиции, что объектами нашего сознания могут быть только конкретные вещи. Он подчеркивал, что понятие «представление» однозначно, и что все объекты представления могут быть только чем-то реальным. В «Теории категорий», сборнике набросков, сделанных в период с 1907 г. по 1917 г., мы читаем: «Сколь бы разным ни был предмет нашего мышления, он все же должен подпадать под одно и то же понятие, а именно — под понятие некоторого нечто, т.е. чего-то реального»²⁵. Brentano приводил аргумент, показывающий, что предметом представления может быть только *realia*: «Понятие представления едино; имя унивокально, а не эквивокально. Но в это понятие заложено то, что каждое представление нечто представляет, и если бы это нечто само не было однозначным, то имя “представление” также не было бы однозначным. Если это верно, то невозможно, чтобы под нечто могло пониматься то реальное (вещь), то нереальное. Ибо нет понятия, которое было бы общим для реального и нереального»²⁶.

Во внутреннем восприятии нам являют себя «психические акциденции», которые, согласно позднему учению Brentano, могут быть только конкретными вещами. При этом в силе остается тезис об интенциональной направленности психических актов. Какое объяснение феномен интенциональности получает в рамках реистской онтологии?

Мы находим у «позднего» Brentano два способа, позволяющие нам устранить имманентные объекты из интенциональных отношений. Иногда он подчеркивает, что во внутреннем восприятии как таковом схватывается лишь субъект с его своеобразным психическим свойством. В наброске «Об объектах» (февраль 1906), например, он утверждает, что в каждом признании объекта мышления, которое выражается в предложениях вида «Представленный кентавр есть», на деле содержится только признание мыслящего субъекта. Признается лишь «мыслящий субъект с его своеобразием». Своеобразие, о котором говорит Brentano, оказывается свойством «направленности-

на-то-то-и-то-то». «Мыслящий субъект с его своеобразием» в рамках позднего учения истолковывается как акциденция субъекта, точнее, как конкретная вещь, субстанциальной частью которой является субъект.

Вслед за Р. Чизольмо такое истолкование проблемы интенциональности стали называть «адвербиальной теорией». В «адвербиальной теории» интенциональность объясняется не с помощью таких теоретических сущностей, как объекты-цели и объекты-посредники (имманентные объекты), а с помощью особых свойств субъекта. Если субъект думает о собаке, то это означает лишь то, что он мыслит «собачно»; такое «собачно» оказывается конкретной характеристикой мышления, т.е. (высокоуровневым) свойством (психического) свойства субъекта-субстанции. В естественном языке подобные «высокоуровневые» свойства выражаются посредством наречий (чем и объясняется название теории).

Второе средство заключается в некоторой модификации теории отношений. В позднем учении Brentano интенциональные отношения истолковываются как нетипичные, аномальные отношения. Для типичных отношений требуется существование обоих соотносимых членов, тогда как нетипичные отношения вполне допускают существование только одного своего члена (а именно — *fundamentum*'a)²⁷. Отметим, что в лекциях по логике понятия отношения и соотносительного еще истолковываются как синонимы: «Если признается релятивное обозначение, то одновременно сверх того признается то, в соотношении с чем оно определяется»²⁸. В поздний период Brentano постепенно вводит множество разных модусов представления и суждения. В 1893 г. появляются темпоральные модусы суждения (утверждается, например, что «бывший король» вовсе не обязан существовать для того, чтобы верно признаваться в модусе прошлого). В 1905 г. появляются темпоральные модусы представления, а также новое различие «прямо/косвенно»²⁹.

О прямом и косвенном представлении Brentano говорил и раньше. Всегда, когда мы представляем нечто соотносительное, мы заодно косвенно представляем то, с чем оно соотносится. В лекциях по логике это понималось как утверждение о том, что существуют оба соотносимых члена. В 1905 г. Brentano изменит свое мнение. Он будет считать, что косвенный модус достаточно безобиден и онтологически нейтрален. Например, если я говорю, что «Иван думает о кентавре», то Ивана я упоминаю прямо, а кентавра — косвенно. И это означает, что мое утверждение не станет ложным оттого, что мы не обнаружим в природе никаких кентавров. Со всей серьезностью мы должны отнестись единственно к тому, что упоминается прямо.

Введение новых модусов соотнесенности и различения «прямо/косвенно» несколько меняет тот образ интенциональности, который

нам предлагает адвербиальная теория. Внутреннее восприятие уже не довольствуется восприятием одного субъекта, оно становится «двулучевым». Оно предполагает не только прямую интенцию, соотнесенную с психическим субъектом, но и косвенную направленность на первичный объект (того акта, который на момент восприятия субъект будет совершать). Суть теперь в том, что косвенная интенция понимается как онтологически совершенно безобидная. Даже если первичный объект окажется чем-то несуществующим, внутреннее восприятие не потеряет свой статус безошибочного свидетеля.

Таким образом, мы можем констатировать, что в поздний период своего творчества Brentano существенно корректирует положение об интенциональности сознания, впервые явно представленное в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874). Суть поздних изменений: устраняются «имманентные объекты», вызвавшие оживленные дискуссии в брентановской школе. Результатами таких дискуссий вполне можно считать и теорию предметов А. Мейнонга, и дескриптивную феноменологию Э. Гуссерля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Brentano Ф. Избранные работы. – М., 1996. С. 22.

² См. там же. С. 41 – 42.

³ Там же. С. 33 – 34.

⁴ Отметим, что для Гуссерля будет неверным утверждение о том, что любой психический феномен (или любое переживание) есть акт. Дело в том, что, по Гуссерлю, к «переживаниям» также относятся брентановские «физические феномены» (или содержания ощущений). А характеристика чего-то как акта обязывает приписывать ему интенциональность. Гуссерлевские «переживания» суть «реальные» части единого потока сознания и неопределимы с точки зрения своего состава. Определить можно только их способ данности: переживание есть все, что «адекватно» воспринимается. С другой стороны, поскольку неинтенциональные переживания входят в состав сознания и, тем самым, в «интенциональность», то интенциональность, вовсе не являясь характеристикой всех переживаний, будет чем-то определяющим для всех переживаний.

⁵ Отметим, что Brentano не уточняет, какого именно схоласта он имеет в виду. В примечании к термину «объективно», который вводится в утверждении: «Но мы не потому ощущаем холод, что становимся холодными, иначе также ощущали бы растения и неорганические тела, но поскольку холод объективно, т.е. как познанное, существует в нас, следовательно, поскольку мы принимаем холод, сами при этом не становясь его физическим субъектом», Brentano пишет: «Мы употребляем выражение “объективно” здесь и дальше не в том смысле, который был привычен для Нового времени, а в том, какой с ним пытались связать аристотелики Средневековья (со схоластическим “объективно”) и который позволяет весьма кратко и точно обозначить аристотелевское учение. Материально, как физическое качество, холод [находится] в холодном; как объект, т.е. как ощущаемое, он [находится] в чувствующем холод» (*Brentano F. Die Psychologie von Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom nous poietikos.* – Mainz am Rhein, 1867. S. 80).

⁶ Antonelli M. Franz Brentano und die Wiederentdeckung der Intentionalität // Grazer Philosophische Studien. 2000. № 58/59; Мюнх Д. Intentionale Inexistenz у Brentano // Логос. 2002. № 1; Sauer W. Die Einheit der Intentionalitätskonzeption bei Brentano // Grazer Philosophische Studien. 2006. № 73.

⁷ Brentano Ф. Избранные работы. С. 145 – 146.

⁸ Цит. по: Chrudzimski A. Die Ontologie Franz Brentanos. – Dordrecht; Boston; L., 2004. S. 155.

⁹ Brentano F. Deskriptive Psychologie. – Hamburg, 1982. S. 21.

¹⁰ Основной предмет этих лекций – семантические отношения и наша обусловленные ими в процессе употребления языка. Согласно Brentano (и, отметим, его ученику А. Марти), язык есть средство выражения наших психических феноменов, и, поэтому, в исследованиях интенциональности языка ключевую роль начинают играть такие теоретические сущности, как имманентные объекты.

¹¹ Цит. по: Chrudzimski A. Intentionalitätstheorie beim frühen Brentano. – Dordrecht; Boston; L., 2001. S. 34 (EL 80. S. 34 f).

¹² Ibid. S. 35 (EL 108*. S. 21).

¹³ Hoefler A. Logik, unter Mitwirkung von Alexius Meinong. – Wien, 1890. S. 6 – 7.

¹⁴ Теория интенционального отношения, представленная К. Твардовским, основывается на аналогии с живописью. Как художник пишет пейзаж, так представляющий субъект представляет предмет. Пейзаж играет роль первичного объекта деятельности художника, и, подобным образом, предмет есть первичный объект представляющего субъекта. Далее, художник сможет изобразить пейзаж лишь тогда, когда он напишет картину; соответственно, представляющий субъект сможет представить предмет лишь тогда, когда он осуществит акт с подходящим содержанием. Картина и содержание играют роль не собственных объектов, на которые направлено внимание субъекта, а вспомогательных средств; сами эти средства могут привлечь наше внимание (мы сосредоточиваемся не на предмете действия, а на самом действии), и тогда они станут первичным объектом некоторого (другого, рефлексивного) акта. Пейзаж можно написать, лишь написав картину, и предмет можно представить, лишь представив содержание.

¹⁵ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. – М., 1997. С. 47 – 48.

¹⁶ Весьма вероятно то, что это утверждение Твардовского имеет иной источник, чем лекции Brentano по логике (на одно любопытное место в этих лекциях мы еще укажем). Говоря о беспредметных представлениях, Твардовский оспаривает ряд положений Наукоучения Б. Больцано и в своей критике, похоже, опирается на Р. Циммермана, под руководством которого он учился в Вене (1885 – 1889). В «Философской пропедевтике для высших гимназий» (1852 – 1853) Циммерман писал, что «каждое представление... нечто представляет, и это [нечто] отличается от него самого». И то, что оно представляет, может вовсе и не быть действительным предметом (См. статью Э. Моршера «Рождение теории предметов из-за непонимания?» в сборнике: Phenomenology and Analysis. Essays on Central European Philosophy. – Frankfurt; Lancaster, 2004. P. 89 – 104).

¹⁷ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. С. 66.

¹⁸ Цит. по: *Chrudzimski A.* Intentionalitätstheorie beim frühen Brentano. S. 42 (EL 80. S. 35).

¹⁹ См. : *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. – Leipzig, 1924 – 1925 (Главы 6 и 7 второй книги).

²⁰ *Brentano Ф.* Избранные работы. С. 109.

²¹ Там же. С. 111.

²² *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1. – М., 2011. С. 343 – 344.

²³ Там же. С. 387.

²⁴ *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. II. – Leipzig, 1924/1925. S. L.

²⁵ *Brentano F.* Kategorienlehre. – Hamburg, 1933. S. 18.

²⁶ Цит. по: *Kraus O.* Franz Brentano: Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre. – München, 1919. S. 29 – 30.

²⁷ См.: *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. II. – Leipzig, 1924 – 1925. S. 134.

²⁸ Цит. по: *Chrudzimski A.* Die Ontologie Franz Brentanos. S. 184 (EL 80. S. 40).

²⁹ *Albertazzi L.* Immanent Realism. – Dordrecht, 2006. P. 157 – 162.

Аннотация

В статье исследуется то, как Ф. Brentano истолковывает понятие интенциональности в разные периоды своего творчества. При этом предпочтение отдается «школьному», а не «индивидуальному» моменту в учении Brentano. Показывается, что теории интенциональности, развиваемые учениками, частично уже предугадывались в лекциях самого учителя.

Ключевые слова: интенциональность, имманентный объект, школа Ф. Brentano.

Summary

The article considers F. Brentano's interpretations of the notion of intentionality, provided by him in different works. Preference is given to the «school» (hence not to the «individual») aspect of his teachings. It shows that the theories of intentionality, developed by Brentano's students, partially had already been anticipated in lectures of the teacher.

Keywords: intentionality, immanent object, the school of F. Brentano.